

Валур Ингимундарсон³

КУЛЬТУРЫ БЕЗНАКАЗАННОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: РЕАКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА НА МАССОВЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ

Введение

Геноцид и преступления со стороны государства исторически обусловлены целым рядом факторов,

³ Профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, председатель правления Научно-инновационного центра EDDA, доктор философии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Повстанческий союзник: Исландия,

связанных со злоупотреблением властью и идеологией. Эти факторы культурно определены и специфичны.

США и имперская политика», «Геополитика арктических природных ресурсов», «Топография глобализации: политика, культура, язык», «Культуры холодной войны: перспективы западно- и восточноевропейских стран», «Арктическая безопасность в эпоху климатических изменений», «Холодная война и северные страны», «НАТО: первые пятьдесят лет» и др. Лауреат литературной премии фонда Й. Сигурдссона, премии правительства Исландии за историческое исследование блока НАТО. Редактор научных журналов «История холодной войны», «Журнал славянских военных исследований», «Журнал полярных исследований».

Так, в одном случае имеет место желание создать, расширить и сохранить государство и империю как форму правления, при этом инициатор полон решимости ликвидировать угрозу или насадить террор. Во втором случае осуществляется поиск идеализированного будущего, «конца истории», вдохновленного утопической идеологией: здесь государство демонизирует целевую группу жертв и проводит интенсивную пропаганду для интенсификации массового насилия. Третий случай представляет собой комбинацию первых двух: использование политических мифов, например, воплощенных в ультра национализме, с целью насаждения повсюду территориального суверенитета¹. Кумулятивная радикализация, характеризующая массовые злодеяния, обычно возникает в результате политических кризисов, которые дестабилизируют государство и обуславливают подавление правительством межобщинных конфликтов, за исключением конфликтов, возникающих на почве «кровавых чисток» во имя обретения органичной суверенности².

Природу таких преступлений можно выразить в точных терминах, однако проблема установления времени и методов предотвращения, вмешательства и наказания оказалась намного более сложной. Международная политическая система до сих пор не выработала единых норм как для оценки события, так и для предотвращения грядущего массового насилия, осуществления военного вмешательства в дела суверенных государств, выстраивания отношений с государствами и отдельными лицами, виновными в политике геноцида. Хотя с учетом постоянной неспособности государств придерживаться обязательств по соблюдению прав человека и стремления политических лидеров нарушать таковые так называемое «международное сообщество» постоянно сталкивается с обвинением в упорном пренебрежении или соучастии, когда оно игнорирует геноцид и преступления против человечества.

В данной статье я в исторической и современной перспективе рассматриваю внутренний конфликт между правами человека и суверенитетом, когда дело касается осуществляемых или поощряемых государством злодеяний. Международная реакция на геноцид и преступления против человечества связана с политическими институтами и процессами, такими как послевоенная система ООН, распространенные идеологические парадигмы, политика великих держав; с событиями в сфере юриспруденции, например Нюрнбергским процессом, Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, учреждение *ad hoc* (применительно к конкретному случаю) международных трибуналов и Международного уголовного суда; с проблемами суверенитета, обусловленного периодом колониализма, неоколониализма и «смен режима»; с дискуссионными доктринами «гуманитарного вмешательства» и «ответственности по защите»; а также с правосудием переходного периода и постконфликтной стабилизации.

¹ См.: *Chalk F.* Intervening to Prevent Genocidal Violence: The Role of the Media // *The Media and the Rwanda Genocide* / ed. A. Thompson. L.: Ann Arbor: Pluto Press, 2007. P. 375.

² *Mann M.* The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 500–501.

Внимание в статье уделено трем вопросам. Первый: я оцениваю влияние внешнего вмешательства на области защиты прав человека, геополитики и «смены режима». Второй: я анализирую тонкую связь между международным судебным преследованием и сдерживанием геноцида и преступлений против человечества. И третий: я исследую, каким образом карательное правосудие, например судебные разбирательства, и реституционное правосудие, включая комиссии по установлению истины и амнистии, повлияли на международную реакцию по поводу массовых нарушений прав человека.

«Международное сообщество» и массовые злодеяния

Термин «геноцид» ввел в оборот Рафаэль Лемкин (1900–1959), который впервые использовал его в своей книге «Правление государств “Оси” в оккупированной Европе», опубликованной в 1944 году³. Несмотря на то что это слово появилось в черновом варианте Устава Нюрнбергского международного военного трибунала, в окончательной версии текста предпочтение было отдано термину «преступления против человечества», чтобы обозначить преследование и физическое истребление национальных, этнических, расовых и религиозных меньшинств. Проанализировав нацистские проекты по истреблению людей во время Второй мировой войны, Организация Объединенных Наций отдала приоритет вопросу о том, как ответить на геноцид посредством его предотвращения и мер наказания за него. Геноцид стал центральным пунктом в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него⁴, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. Конвенция кодифицировала так называемые нюрнбергские принципы для выявления состава преступлений против человечества и военных преступлений и определила геноцид как преступление, совершаемое с намерением полностью или частично уничтожить какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу⁵. Таким образом, геноцид был приоритетно обозначен в соглашении, это положение было дополнено рядом важных обязательств, таких как обязанность предотвращать преступление, принимать соответствующее законодательство и наказывать за данное преступление. Преступления против человечества были также кодифицированы в Уставе Международного военного трибунала. Однако термин был ограничен по сфере применения, которое свелось к судебному разбирательству на Нюрнбергском процессе. Все прочие обязательства в отношении преступлений против человечества существуют на основании обычного международного права⁶.

Несмотря на положения конвенции о геноциде, требование защиты уязвимых слоев населения быстро

³ *Lemkin R.* Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944.

⁴ *Hubert D., Blätter A.* The Responsibility to Protect as International Crimes Prevention // *Global Responsibility to Protect*. 2012. № 4. P. 38.

⁵ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него ООН от 9 декабря 1948 года. URL: <http://www.un.org/millennium/law/iv-1.htm>

⁶ См.: *Schabas W.* Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. URL: <http://www.hrweb.org/legal/genocide.html>

утратило силу в связи с политикой соотношения сил и идеологией холодной войны. На деле конвенция перестала быть действенной сразу после вступления в силу в 1951 году. Ее критиковали за слишком ограниченное толкование геноцида и недостаточность мер по принуждению. Во-первых, не было проведено различие между жестокостью, умышленно направленной на уничтожение группы, и нападениями на членов группы или нападками на их культуру и язык, не сопровождавшимися гибелью людей. Во-вторых, в тексте из понятия «геноцид» было намеренно исключено спланированное уничтожение политических групп и общественных классов. Это означало, что исключались жертвы организованных государством и идеологически мотивированных массовых убийств в сталинском Советском Союзе, Индонезии или Камбодже. В-третьих, страны — члены ООН в целом отвергли учреждение международных судебных органов и полицейских сил, которые могли бы аннулировать их суверенные властные полномочия.

С учетом того, что ответственными за массовые убийства обычно являются суверенные государства, страны — члены ООН выказали свое нежелание действовать против одного из своих¹, как это произошло, когда Соединенные Штаты Америки столкнулись с обвинениями в военных преступлениях во время вьетнамской войны. Это объясняет также и то, почему не удалось попытки учреждения международного уголовного суда — главной цели конвенции. Десятилетиями не проводились судебные процессы по военным преступлениям. В период холодной войны (1950-е — конец 1980-х гг.) ни одно массовое убийство не было квалифицировано ООН как геноцид. США и другие западные державы даже поддержали ООН по отношению к режиму красных кхмеров, поскольку это означало непризнание вреда от вьетнамского вторжения в Камбоджу в 1978 году, даже если оно остановило геноцид. Точно так же, когда Индонезия оккупировала Восточный Тимор и уничтожила примерно треть его населения, ничего не было сделано². Одним словом, после кодификации осуждения геноцида ООН на практике с ним примирилась.

Только после окончания холодной войны, в 1990-х годах, Совет Безопасности ООН учредил Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) и аналогичный — по Руанде (МТР), которые конвенция по геноциду стала рассматривать в качестве инструментов международного правосудия. Впервые закон 1948 года вступил в силу, когда за геноцид в 1998 году были осуждены политические лидеры Руанды. Первым государством, нарушившим конвенцию, оказалась Сербия в 2007 году. Международный суд снял с Сербии обвинения в прямом геноциде во время боснийской войны, однако признал, что Сербия нарушила международное законодательство тем, что не предотвратила геноцид 1995 года в Сребренице и не выдала трибуналу обвиненных в геноциде.

По прецедентам с Югославией и Руандой впоследствии были учреждены специальные суды для Сьерра-Леоне и Камбоджи, а затем был создан постоянный

¹ Chalk F., Jonassohn K. *The History and Sociology of Genocide: Analyses and Case Studies*. New Haven: Yale University Press, 1990. P. 11.

² Ibid. P. 12.

Международный уголовный суд (МУС). Эти события мотивированы тем, что ответственность в виде наказания является ключевым пунктом в предотвращении геноцида, как особо отметил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в плане действий по предотвращению геноцида в 2004 году³. Для тех случаев, когда карательное правосудие не является сдерживающим средством, ООН начала разработку иного механизма принуждения, получившего название «обязанности по защите», предоставляющего возможность военной интервенции в исключительных случаях, если государства ведут войну с собственным народом. Закрепленная в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (МКСГС) 2001 года⁴, данная инициатива обусловила необходимость примирить уравнивающую логику «суверенитета» и «защиты прав человека» в ответ на массовые злодеяния⁵. Всемирный саммит Генеральной Ассамблеи ООН принял доктрину «обязанности по защите» в 2005 году, отметив, что «каждое государство обязано защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечества»⁶.

Если принцип «обязанности по защите» описывается как «норма в становлении»⁷, то его военный аспект вызывает протесты на том основании, что он нарушает государственный суверенитет, поощряя или подталкивая к смене режима⁸. Жизнеспособность этого термина была подвергнута сомнению после военной интервенции НАТО в Ливии, что Россией, Китаем и некоторыми другими странами было расценено как нарушение мандата Совета Безопасности ООН. Безусловно, можно возражать по поводу того, что каждый конфликт с применением силы имеет различную динамику в зависимости от природы, географии, близости к влиятельным странам или их интересам. Интервенции — всегда вызов для государственного суверенитета в международной системе, построенной из национальных государств. Но проблема защиты уязвимых слоев населения в кризисных ситуациях также основана на выработанных десятилетиями гуманитарных нормах и правах человека. И реализация международного законодательства по правам человека в конечном счете возлагается на государства. Не существует международных правил принуждения, которые могли бы заставить государства подчиняться вышестоящим международным организациям⁹.

³ Стокгольмский план действий по предотвращению геноцида Генерального секретаря ООН Кофи Аннана от 7 апреля 2004 года. URL: <http://www.preventgenocide.org/prevent/UNdocs/KofiAnnansActionPlanToPreventGenocide7Apr2004.htm>

⁴ Ответственность по защите: Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (МКСГС, ICISS). Декабрь 2001 года. URL: <http://responsibilityto-protect.org/ICISS%20Report.pdf>

⁵ См.: McClean E. *The Responsibility to Protect: The Role of International Human Rights Law* // *Journal of Conflict & Security Law*. 2008. Vol. 13, № 1. P. 125.

⁶ Ibid. P. 123.

⁷ Contarino M., Negrón-Gonzales M., Mason K. T. *The International Criminal Court and Consolidation of the Responsibility to Protect as an International Norm* // *Global Responsibility to Protect*. 2012. № 4. P. 275.

⁸ См., например: Bellamy A. J. *The Responsibility to Protect and the Problem of Regime Change: e-International Relations*, 27 September 2011. URL: <http://www.e-ir.info/2011/09/27/the-responsibility-to-protect-and-the-problem-of-regime-change/>

⁹ Contarino M., Negrón-Gonzales M., Mason K. T. *Op. cit.* P. 282, 284.

«Обязанность по защите» как спорная норма

Марта Финнмор и Кэтрин Сиккинк доказали, что международные нормы проходят три стадии, для каждой из которых характерны различные действующие лица и механизмы¹. На первой стадии («возникновение нормы») новая идея внедряется в сферу существенных международных политических дискуссий с целью убедить всех в необходимости ее принятия и использования. В случае доктрины «обязанности по защите» эта роль досталась Генеральному секретарю ООН и МКСГС. Вторая стадия нормативного цикла («нормативный каскад») может последовать только тогда, когда первая стадия достигла «переломного момента» после того, как ключевые страны одобрили эту норму. Институционализация нормы, надо полагать, предшествует этой стадии. По окончании «каскада» процесс переходит в третью, последнюю, стадию — интернационализацию, когда норма становится общепринятым правилом поведения².

Если судить с точки зрения этого, по общему признанию, телеологического процесса, можно выдвинуть тезис о том, что норма «обязанности по защите» «застряла» на первой стадии, поскольку она все еще встречает сопротивление со стороны ключевых фигур, несмотря на принятие итогового документа Всемирного саммита ООН 2005 года. Противодействие России и Китая санкциям ООН против Сирии и военному вторжению уже нейтрализовало последствия ливийской операции в плане укрепления этой доктрины. Политика российских властей согласуется с противодействием военному вторжению в Косово в 1999 году, которое оправдывалось гуманитарными соображениями («гуманитарное вмешательство»). Точно так же политика Китая во многом определяется его опасениями по поводу собственного суверенитета: необходимостью пресекать любые попытки выделения или самоопределения внутри границ — позиция Китая, которая также имела место во время военного вторжения западных стран на Балканы в 1990-х годах.

Отсутствие консенсуса по поводу «обязанности по защите» выявляет главную проблему этой дилеммы, когда гуманитарные соображения вступают в конфликт с государственным суверенитетом и геополитическими интересами. Для таких стран, как Россия, Китай и Бразилия, Запад, проводя операцию в Ливии, пренебрег гуманитарной мотивацией и прибегнул к принципу «обязанности по защите», чтобы свергнуть режим Каддафи. При таком толковании принцип суверенитета в конечном счете оказывается более важным, чем понятие защиты прав человека, если речь идет о «смене режима». Другой связанный с этим вопрос — избирательность: почему одни гражданские войны рассматриваются влиятельными странами как более значимые, чем другие войны? Бездействие в Руанде, конечно, — наиболее яркий пример двойных стандартов.

Правительство Бразилии пыталось найти выход из тупика, заняв промежуточную позицию между теми

¹ Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. Vol. 52, № 4. P. 887–917.

² Contarino M., Negrón-Gonzales M., Mason K. T. Op. cit. P. 279–280; см. также: Mani R., Weiss T. G. R2P's Missing Link, Culture // Global Responsibility to Protect. 2011. № 3. P. 454–455.

странами, которые настаивали на неизменности суверенитета, и теми, которые считали, что принцип «обязанности по защите» при определенных обстоятельствах доминирует над суверенитетом³. Бразильское правительство хочет запретить любые попытки использовать «обязанность по защите» по отношению к дальнейшей «смене режима» или неокOLONIALИЗМУ по ливийскому сценарию и в то же время твердо поддерживает саму норму, направленную против преступлений против человечества и геноцида. Это положение подверглось критике, так как непонятно, какую роль оно будет играть в тех местах, где возможна интервенция⁴. Такой подход подчеркивает необходимость выйти за пределы аксиомы: единственными затронутыми сторонами окажутся страны, организовавшие вторжение и подвергнувшиеся вторжению⁵. В ряде случаев вторжение обострило существующие конфликты, спровоцировало новые конфликты и повысило уязвимость гражданского населения⁶. В данном контексте вспоминается война в Ираке, даже если она и не была оправдана гуманитарными соображениями.

Ограничение использования принципа «обязанности по защите» для защиты гражданского населения может обусловить использование контраргумента, что этот принцип служит интересам *статус-кво* за счет стабилизации и косвенной поддержки правительств, причастных к массовым злодеяниям. Это выражается в непривлечении таких правительств к ответственности. Опыт ООН по командированию миротворцев в зоны гражданских конфликтов для защиты гражданского населения, где имеются сильные правительства и военизированные формирования, в ряде случаев оказался пагубным. Наглядный пример — геноцид в Сребренице, происходивший на глазах международных миротворцев. Это можно подтвердить также и тем, что концепция суверенитета неотделима от концепции легитимности. Возникает вопрос: уместен ли принцип недопустимости смены режима, если власть была захвачена незаконно или насильственными недемократическими средствами? Международное сообщество иногда может быть поставлено в положение, когда ему приходится закрывать глаза на право правительств осуществлять террор по отношению к собственному населению.

Предотвращение геноцида посредством наказания

Как отмечает Мартин Меннеке, обычно считается, что конвенция по геноциду предлагает только один путь борьбы международного сообщества с геноцидом, а именно — посредством двойного акта: предупреждения события и наказания. В данном случае осталась без

³ См. материалы 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заявление посла Антонио де Агилар Патриота, министра иностранных дел Бразилии, об «ответственности наряду с защитой», 21 февраля 2012 года. URL: <http://www.un.int/brazil/speech/12d-agp-responsibility-while-protecting.html>

⁴ См., например: Economist. 2012. 7 Apr.

⁵ См.: Welcome to Brazil's version of responsibility to protect // Guardian. 2012. 10 Apr.

⁶ Заявление посла Антонио де Агилар Патриота об «ответственности наряду с защитой», 21 февраля 2012 года. URL: <http://www.un.int/brazil/speech/12d-agp-responsibility-while-protecting.html>

внимания еще одна возможность — «предупреждение через наказание»¹. Если учитывать связь между этими двумя факторами в большинстве внутренних уголовных судов, вызывает удивление тот факт, что этот предотвращающий аспект карательного правосудия столь поздно появился в международном политико-правовом дискурсе. Хотя ООН уделяла мало внимания теме геноцида в течение столь долгого времени, наиболее показательной инертностью этой организации проявилась во время холодной войны.

Аргумент «предотвращение посредством наказания» является спорным. Несмотря на то что наказание может служить делу правосудия, не ясно, в какой степени оно предотвращает массовые злодеяния. Одни, опираясь на исторические факты, могут начать рассуждать о том, что суды, вероятно, не имели бы никакого значения для обезумевших лидеров, таких как Гитлер или Пол Пот. Другие, например Слободан Милошевич, возможно, осознали бы, что они не хозяева своей судьбы, но, как убедительно показал Майкл Манн, играли уже по-крупному. Они понимали, что если проиграют, то погибнут; если выигрывают, то риск будущего судебного преследования померкнет по сравнению с перспективой стать национальным героем².

Таким образом, следует избегать любых обобщений по поводу угрозы судебного преследования. Вероятность того, что Совет Безопасности ООН передаст материалы по ситуации в Дарфуре в Международный уголовный суд (МУС), оказалась реальным сдерживающим фактором: военачальники были глубоко обеспокоены тем, что их могут привлечь к суду. В других случаях, однако, эти меры оказались неэффективными. Трибунал по бывшей Югославии был учрежден в 1993 году, но геноцид в Сребренице произошел двумя годами позже, в 1995-м. Точно так же можно возразить, что предположение о том, что организаторы геноцида проводят свою политику с учетом возможных рисков и потерь, является неправдоподобным³. Те, кто критикует суды как неудачное средство предотвращения массовых нарушений прав человека, слишком далеко заходят, предлагая и восхваляя амнистию, гарантированную нарушителям во имя социального согласия в качестве альтернативы. Это, пожалуй, ошибочная дихотомия, так как она означает вознаграждение преступников и поддержание их у власти с единственной целью — достижения политической стабилизации. Даже если международное уголовное преследование оказывает ограниченное воздействие на текущие конфликты, то его отдаленные последствия гораздо более значительны.

Как отмечает Рути Г. Тейтель, судебные процессы предлагают пути для выражения как общественно-го осуждения жестокости в прошлом, так и легитимации правовых норм, необходимых для консолидации нового начинания⁴. Международные судебные процессы 1990-х годов были построены по образцу послево-

енного Нюрнбергского процесса. Хотя исторический прецедент не был безупречным. Обвинения и вердикты в Нюрнберге частично основывались на обратной силе закона: некоторые нормы, которыми руководствовались в этих судебных разбирательствах, не существовали во время совершения преступлений. Но это, очевидно, оказалось недостаточным основанием для делегитимации суда, с учетом характера нацистских преступлений, включая кампании по уничтожению евреев и цыган. Более весомым было обвинение в политизации, так как трибунал руководствовался политическими соображениями, что подрывало идеалы беспристрастности и универсальных норм. Замалчивание военных преступлений, совершенных союзниками, таких как атомные бомбардировки или бомбежки немецких городов, подчеркивало этот аспект. Нюрнбергские процессы предложили, однако, стандарты ответственности в международном праве: ответственность за жестокость поначалу возлагалась на отдельных лиц. Более того, принципы Нюрнберга лишили иммунитет глав государств — ключевой в настоящее время законный прецедент для судебного преследования лидеров правительств за преступления против человечности и геноцид.

Недавние судебные процессы были политически в том смысле, что в ряде случаев их инициировали сторонники вмешательства, например западные державы по отношению к Балканам. Кроме того, легитимность этих процессов в международном праве зависела от Совета Безопасности ООН, чьи решения часто мотивировались скорее геополитическими интересами, чем международными правовыми нормами. Эти трибуналы имели те же недостатки, что и Нюрнбергский трибунал. Наглядный пример — вопрос избирательности. Суды могут рассматривать дела ограниченного числа нарушителей, даже если преступников гораздо больше. Этот отбор часто основан на том, что под суд попадали те, кого удавалось арестовать, а также те, чьи действия приобрели общественный резонанс и имели множество свидетелей. Таким образом, этот метод создавал ощущение пристрастности судебного преследования. Наконец, международные процессы, хотя и были глубоко символически в политическом плане, привели к наказанию лишь немногих. Однако можно утверждать, что международные суды, такие как суд по бывшей Югославии и Руанде, были менее повинны в «правосудии победителей», чем Нюрнбергский трибунал. Обвиняемым были предложены обширные списки гарантов правовой процедуры. Напротив, даже если внутренние суды способны работать быстрее, им часто не хватает легитимности по делам массовых преступлений из-за слабости институциональных законодательных структур или вследствие политической предвзятости — вмешательства правительства.

Одной из целей Международного уголовного суда, учрежденного в 2002 году, являлось преодоление такого рода препятствий. Этот суд должен был стать последним оплотом справедливости, расследуя и привлекая к ответственности в тех случаях, когда это не удавалось внутренним судам. На самом деле Международный уголовный суд — несовершенный инстру-

¹ Mennecke M. Punishing Genocidaires: A Deterrent Effect or Not // Human Rights Review. 2007. Vol. 8, № 4. P. 320.

² Mann M. Op. cit. P. 528.

³ Mennecke M. Op. cit. P. 324–325.

⁴ Teitel R. G. Transitional Justice. Oxford : Oxford University Press, 2000. P. 30.

мент. Он может преследовать за преступления, совершенные только после его учреждения, и его мандат ограничен. Многие государства-участники наделили собственные национальные суды универсальной юрисдикцией в отношении тех же преступлений, которые не признают никакого срока давности для таких тяжких преступлений, как геноцид. Еще более важно, что некоторые державы не признают юрисдикцию суда, например США, Китай и Индия, а отдельные страны, в частности Россия, не ратифицировали договор. Отсутствие поддержки таких могущественных стран подрывает авторитет суда и его всеобщность. Однако, несмотря на критику, что суд продемонстрировал предвзятость, ограничиваясь, по крайней мере до сих пор, африканскими странами, он сумел расследовать военные преступления в Конго, Уганде, Дарфуре и Кении. В одних случаях дела передавались в суд заинтересованными странами, в других — Советом Безопасности ООН. Значение фактора сдерживания суда неясно: осуждению подверглось немного людей. Но поскольку в его деятельности участвует 121 страна, он обладает значительной международной легитимностью.

Реакция на массовые злодеяния при помощи законного судебного преследования отражает попытку принять во внимание закон и предложить справедливое решение жертвам. Успех таких процессов должен измеряться не числом судебных дел или обвинительных приговоров, а тем, справедливы они или нет. Политическая стабильность и примирение не являются целью этих процессов. Настоящие, как отмечает Марта Миноу, процессы переключают жажду мести от индивидов на государство или официальные органы, «охлаждают месть до воздаяния»¹. Следовательно, эти процессы не предполагают прощения или извинения перед жертвами, так как их внимание сосредоточено на преступниках. В силу этих причин требуются иные способы решения проблем, связанных с последствиями геноцида.

Здесь возникает вопрос: является ли реституционное правосудие противоположностью карательному правосудию в контексте того, что определяется термин «правосудие переходного периода» (политические и законодательные процессы, характеризующиеся переходом от авторитарного правления к демократии после внутренних или внешних конфликтов)?² Можно привести аргумент, что наказывать преступников недостаточно: жертвы также имеют право знать правду о злодеяниях прошлого и вообще быть услышанными. Комиссии по установлению истины, репарации, извинения и отчеты традиционно рассматривались как средства решения таких проблем. Они уделяют меньше внимания личностям и больше — сообществам и государствам-нациям; они стремятся раскрыть фак-

¹ Minow M. *Between Vengeance and Forgiveness: Facing History after Genocide and Mass Violence*. Boston : Beacon Press, 1998. P. 26.

² См.: Teitel R. G. *Op. cit.*; Elster J. *Closing the Books: Transitional Justice in Historical Perspective*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004; *Assessing the Impact of Transitional Justice: Challenges for Empirical Research* / ed. H. van der Merwe, V. Baxter, A. R. Chapman. Washington : United States Institute for Peace, 2009.

ты, идентифицировать преступников и определить ответственность как часть процесса противостояния прошлому и выстраивания новых отношений между гражданами и государством. Такие реституционные механизмы отделены от судебных преследований, избегают возмездия, а также воздаяния, даже если рекомендуют определенные законные действия против преступников. Комиссиям по установлению истины не удается воссоздать равновесие, при этом судебные процессы оканчиваются наказанием. Они не обязывают жертвы прощать правонарушителей, так как на это способны только отдельные лица, но не государства. И конечно, их нельзя использовать в качестве инструментов для уклонения от судебных разбирательств, как желают того некоторые правонарушители.

Действительно, возникают серьезные возражения по поводу того, что только комиссии по установлению истины способны примирить социум после массовых злодеяний, таких как геноцид. Они напоминают театральные представления, даже если служат терапевтическим целям и помогают установить «истину» о том, что произошло. Комиссия по установлению истины и примирению в Южно-Африканской Республике (КИП), борющаяся с наследием апартеида, обладала правом объявлять амнистию лицам, которые добровольно признали ответственность за совершение политически мотивированных преступлений. Как и суды, комиссия выносила решение о виновности или невиновности людей, а также амнистировала виновных. Но амнистирование не требовало демонстрации угрызения совести у тех, кто освобождался от ответственности.

Оборотная сторона реституционного процесса в Южной Африке, как подчеркивали многие жертвы преступлений против человечности, заключалась в лишении права добиваться правосудия через уголовное или даже гражданское судопроизводство. Надо признать, что Комиссия по установлению истины и примирению достигла одной из своих целей — обеспечения безопасности для мирного перехода власти. Черное большинство в Южной Африке получило контроль над политической системой, наделив бывших угнетенных властными полномочиями, но в партнерстве с преступниками — белой элитой, которая все еще контролирует жизненно важные экономические ресурсы. Однако идея прощения массовых убийц, чье раскаяние, возможно, оказалось неискренним, может быть истолкована как несовместимая с правосудием. Необходимость политической стабилизации после крупных социальных расколов не оправдывает требования ухода от ответственности и освобождения преступников.

Комбинация карательного и реституционного правосудия — один из путей решения проблемы массовых злодеяний. В Устав Международного уголовного суда был включен ряд новых прав, которыми наделяются жертвы. В отличие от внутригосударственного процесса над Эйхманом в 1960-х годах, сегодня жертвы впервые получили возможность излагать свои взгляды перед судом. Таким образом, появляется возможность установить баланс между ориентированностью процесса на преступников, с одной стороны, и жертвами, которые добиваются расширенных полномочий (или,

как определила Шошанна Фелман, «семантических полномочий»¹) посредством своего участия, — с другой. Как утверждала Тейтель, юридические ритуалы и процессы благодаря судам и общественным слушаниям служат не только содействию политическим преобразованиям, но и возможности делать исторические заявления на языке правосудия в общепонятных терминах относительно прав и обязанностей, касающихся прошлых правонарушений. Использование этого языка может сыграть важную роль в ликвидации последствий прошлого, что имеет решающее значение для любого искупительного политического изменения².

Заключение

Несмотря на тесную связь между терминами «геноцид» и «преступления против человечности», различия между ними более существенны для формирования международного права, нежели их сходные черты. Обоснования для предотвращения или прекращения злодеяний и наказания ответственных за них не следует искать в более широком толковании геноцида или дополнениях к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Действительно, цель была достигнута посредством расширенного понимания преступлений против человечности. В настоящее время это понятие включает преступления, которые изначально в него не входили, такие как апартеид, насильственная высылка, пытки, насилие, заключение в тюрьму или целый ряд действий, «совершенных как составная часть широко распространенного или систематического нападения на любых гражданских лиц при осознании сути этого нападения»³. В отличие от геноцида, в случаях преступлений против человечности отсутствует особая дискриминационная составляющая, что дает ООН или другим международным или региональным организациям большую свободу действий при реагировании на массовые преступления.

Наряду с Всеобщей декларацией прав человека Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него представляет собой фундаментальный акт. Это первое соглашение по правам человека, хотя в соответствующих более ранних международных договорах были проанализированы такие проблемы, как работорговля, незаконная торговля женщинами и права трудящихся. Конечно, реальная политика холодной войны на десятилетия лишила смысла конвенцию и обусловила неэффективность действий ООН по отношению к массовым злодеяниям. Только после окончания конфликта между Востоком и Западом появилась возможность для рассмотрения на международной арене вопросов о предотвращении и наказании, а также о разрушении культуры безнаказанности с целью формирования ответственности. Правда, политический и правовой процессы, ведущие к принятию решения о военном вмешательстве или воздержании от

¹ Felman S. Theaters of Justice: Arendt in Jerusalem, the Eichmann Trial, and the Redefinition of Legal Meaning in the Wake of the Holocaust // *Critical Inquiries*. 2001. Vol. 27, № 2. P. 201–238.

² См.: Ruti G. Op. cit. P. 116.

³ Hubert D., *Blätter A.* Op. cit. P. 47–48; см. также: Римский статут Международного уголовного суда от 1 июля 2002 г. URL: <http://untreaty.un.org/cod/icc/statute/rome.htm>

него для предотвращения массовых преступлений, редко отражают бескорыстность мотивов. Этими процессами зачастую движут вопросы продвижения или защиты политических, военных или экономических интересов государств или сохранения исторических связей между государствами, нежели цели урегулирования гуманитарных конфликтов.

ООН так и не удалось выработать документы для всеобщего применения по вопросам реагирования на массовую жестокость. В качестве реакции на внешние угрозы геноцид и преступления против человечества более не превалируют, гораздо чаще эти преступления ассоциируются с внутренними угрозами, как в случаях с Руандой, Югославией, Бангладеш, Алжиром и Камбоджей⁴. Принцип «обязанности по защите» устанавливает более отчетливые нормы поведения в ходе реагирования на подобные кризисы и несколько умаляет значимость «права на вмешательство», преобладающего в дебатах о «гуманитарной интервенции» в связи с войной в Косово. «Обязанность по вмешательству» обычно понимается как вторжение, когда государство терпит неудачу в обеспечении обязательства по защите собственных граждан. Однако сроки вмешательства столь же проблематичны, сколь и его законность, если надо принять решение, когда переступить черту.

Как показывает полемика вокруг интервенции в Ливию и расхождение взглядов насчет Сирии в Совете Безопасности ООН, «обязанность по защите» так и не смогли консолидировать в качестве международной нормы. Более того, модификация этой доктрины после исключения из нее требования «смены режима», по-видимому, не имеет юридической силы. Опыт гражданских войн в таких странах, как Сальвадор, Гватемала и Гондурас, показал, что жесткие авторитарные правительства, контролирующие армию, как правило, ответственны за подавляющее большинство массовых преступлений. Вторжения извне, которые склоняют баланс в пользу тех, кто противостоит репрессивным режимам, не обязательно несправедливы или ошибочны. И редко таким операциям оказывается широкая международная поддержка при отсутствии гуманитарного измерения или приведения в действие (усилиями Совета Безопасности) гл. 7 Устава ООН, где детально анализируется ситуация, угрожающая региональной стабильности. Но это, конечно, не оправдывает геополитических устремлений, когда вмешательство направлено на свержение правительств во имя гуманизма или того, что Наум Хомский назвал «военным гуманизмом»⁵.

⁴ См., например: Chalk F., Jonassohn K. Op. cit. P. 35.

⁵ Chomsky N. *The New Military Humanism: Lessons from Kosovo*. Montgoe ; Maine : Common Courage Press, 1999.

Хомский заимствовал термин «военный гуманизм» у Ульриха Бека, чтобы обозначить подведение идеологического фундамента под интервенцию НАТО и США в Косово. Бек, однако, иначе интерпретировал этот термин. Он хотел обратить внимание на опасность, возникающую в связи с развитием новой глобальной военной системы прав человека, которая может стереть разделяющую войну и мир грань. Такое прочтение, конечно, более существенно для современных дебатов по поводу «обязанности по защите». См.: Beck U. *Über den postnationalen Krieg // Blätter für deutsche und internationale Politik*. 1999. Aug. № 8. S. 985–987; *Idem*. *Power in the Global Age: A New Global Power // Economy, Malden : Polity, 2005. P. 333.*

Международное сообщество всегда будет находиться под бременем необходимости вмешательства, если акты геноцида или преступлений против человечества неминуемы. То же самое применимо и к последствиям злодеяний. Процессы *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде, а также Международный уголовный суд, конечно, не безкоризненны. Сдерживающее значение процессов по военным преступлениям не определено, и в этом плане их избирательность — пример несовершенного правосудия. Однако эти процессы демонстрируют включение в политику, в отличие от преднаме-

ренной инерции, которая превалировала в эпоху холодной войны. Тот факт, что главные преступники Руанды, Югославии и Камбоджи в конечном счете предстали перед судом, показывает, что Совет Безопасности ООН приступил к выполнению договорного обязательства по наказанию виновных в геноциде и преступлениях против человечности. Однако в качестве института, ответственного за глобальную безопасность, он потерпел неудачу в попытках выработки политического и правового документа для упреждения или прекращения жестокости.